

Греция и Россия в тисках Версальского «мира». 1919-1923гг.

Владимир Иванович Сидоренко

Историческое прошлое любой страны, как геном человека, определяет весь его дальнейший облик, жизнь и судьбу.

Современная человеческая цивилизация при огромнейшем национальном разнообразии в своей культурологической основе зиждется лишь на нескольких глобальных платформах, уходящих корнями в прошлые эпохи и определяющих суть современного мироздания. Двум странам - Греции и России - созидаящим трудом сотен поколений удалось выстроить не так государственные системы, но МИРЫ и ЦИВИЛИЗАЦИИ! В своей истории только союз и дружба двух государств определяли их устойчивость и независимость в перманентно беспокойном мире. Но есть в ней страницы, наполненные болью и горем, когда обе державы подпадали под внешнее чужеродное влияние, разрывая скрепы торгово-культурных связей и духовную пуповину.

Век назад страшная трагедия Первой Мировой войны исторгла из своего чрева механизм, который по сей день устанавливает между нами политические и культурные барьеры. В прочтении по словам он называется «Глобализация», а по смыслу – «Доминирование»! Тогда впервые безжалостный политический каток победителей подмял под себя всю планету. Основная цель Великой Войны – глобальное доминирование и устранение политических конкурентов – была достигнута. В роскошных залах Версаля за рабочими столами в 1919г. вершилась история политического триумфа англо-саксонского мира. Не подчиниться станет - невозможно, отказаться - смертельно опасно!

Там, в Версале, и для Греции, и для России места в лагере победителей не нашлось. Не нашлось для них места и в списке самостоятельных игроков послевоенного миропорядка. Дело шло так, что могло исчезнуть и место в «Истории». Факты достоверно раскрывают нам механизм удушения «петлёй анаконды» политико-экономических конкурентов Вашингтона и Лондона.

Тот, кто стал править планетой в 1919г. очень хорошо знал историю человечества. По этой схеме Греция заключала в себе суть основополагающего камня-базиса «Европейского Дома». Древнейший первоисточник всей Европейской цивилизации, идеологический фундамент, «откуда есть пошла земля». Выбить такой камень означало серьёзно нарушить основу Старого Света. В этом был культурологический смысл доминирования. Чтобы сохранить за собой право управления, «победители» навязывали всем только свою «правильную» модель миропорядка. Производили глобальный подмен понятий, задвигая в угол «Истории» культурно-политические достижения Европы и, в первую очередь, великого Русского и Греческого миров. Так в Форин Офисе был найден «греческий рычаг» воздействия на Европу.

Точно таким же «рычагом» для европейцев, по мнению англосаксов, должна была стать и Россия. Революция, парад суверенитетов, распад государства на немощные страны-осколки, разруха и боль Гражданской войны лишали Европу её давнего политического союзника и надёжного торгового партнёра. Но чтобы ещё больше разбалансировать ситуацию, то, что останется от России к 1920-м гг.,

предполагалось превратить в перманентную угрозу агрессивного коммунистического экспансионизма. Один миф, о давлении на Старый Свет «России Царской», подменялся другим - о давлении «России Красной».

И новоявленная на полях Великой Войны Европа, подчиняясь политическому центру Версаля, «всерьёз и надолго» отгораживалась от новообразованного СССР, объявляя ему блокаду. В вихре общего безумия, особенный гибельный удар пал на духовный мир русско-греческих отношений. Ведь люди, вставшие у руля Страны Советов в 1920 году, получив подготовку профессиональных революционеров в Лондоне и Париже, действовали в русле культурно-идеологического крушения Российской империи и Русского Мира. Теперь у Афин больше не было исторического союзника, а значит и шансов полновесно отстаивать национальные интересы. Первая Мировая война и последующие события явили тому печальный пример.

Ввязываться в неё Греция не собиралась, но хороводили на Средиземном море британцы. Их сценарий конфликта отводил Афинам участь гончей собаки, которой травят на большой охоте сильного зверя. Выдержит ли подобную гонку маленькая страна, ни кого не интересовало. Лондон, как опытный стратег, очень долго придерживал «греческую карту» в смертельной игре за власть. Поначалу, союзники просто отбирали у Греции острова и бухты, удобные для стоянок своих кораблей. Затем, открыв новый фронт в греческих Салониках в ноябре 1915г., англо-французское командование запланировало на «демократических» началах заставить Афины выступить против Германии. Для этой цели в рукаве у англичан был припасён «критский козырь» - премьер-министр Венизелос, которым по обстановке можно было менять политику греческого государства.

Задачу удалось решить к концу 1916г., когда США подтвердили своё согласие на вступление в войну. Принимая, как должное, будущий двухсторонний раздел мира (французов вынужденно терпели), Лондон принялся составлять планы будущего глобального миропорядка. Ускоряя развязку, в Форин Офисе нажали на кнопку «*Революция*» в России. А на период «раскачки» США в пекло войны бросили Грецию. Революции в России и переворот в Греции координировались из одного центра. Отсюда схожесть действий и их взаимозависимость.

Сокрушить Россию удалось внутренней смутой: заговорщиками-аристократами, червями-революционерами и общественным недовольством. Русское общество своими руками развалило страну, погрузившись в хаос гражданского противостояния. Параллельно Форин Офис занимался Грецией, где король Константин упорно не желал втягиваться в бойню. Здесь англо-французское командование прибегло к вооружённой интервенции с одновременной раскачкой ситуации изнутри. В октябре 1916г. союзники нейтрализовали греческий флот и взяли под контроль Афины. Одновременно, по «ленинской схеме» захвата власти, на о. Крит были сформированы альтернативные органы власти во главе с Элефтериосом Венизелосом. В декабре 1916г. Грецию смертельно зажали морской блокадой, а уже в январе 1917г. Константину предъявили жесткий ультиматум с требованием ухода.

Успех «Февраля» в Петрограде придал «греческому делу» новый импульс. В феврале 1917г. союзники, игнорируя протесты Афин, официально признали правительство Венизелоса. В любую секунду король Константин мог быть свергнут. Однако союзники решили ... повременить. Ситуация была «завязана» на Петроград. Вставить Грецию в свою «обойму» Британия предполагала только при успешном революционном развале Российской империи.

В июне 1917г., убедившись в неотвратимости русской катастрофы, Лондон и Париж приступили в Греции к решительным действиям. 12 июня 1917г. им хватило одних суток, чтобы поменять власть в стране, свергнув законного монарха. Константин Грецию покинул, блокаду сняли. Новым королём стал Александр (сын Константина), а правительство возглавил Э. Венизелос. Отныне вся политика греческого государства лежала исключительно в русле интересов Британии и новой Антанты (с США). Свой «венизелос» был и в постромановской России. Глава её Временного правительства А.Ф. Керенский, обслуживая интересы Запада, с февраля 1917г. уверенно вёл страну к гибели.

2 июля 1917г. Греция официально объявила войну центральным державам. Однако уделом новоявленного союзника стала роль вспомогательных войск «охраны тыла» или «похоронной команды». Из греков готовили «исторических карателей» усмирять недовольных, например Османскую империю. Последнюю ведущие державы предполагали безжалостно расчленить, прибрав к рукам нефтеносные земли. Чтобы в будущем обезопасить себя от желаний османов вернуть утраченное, Турцию, на её же земле, плотно окружали давними историческими соперниками – Арменией, Грецией, Италией и... Курдистаном. Им давали возможность значительно прирасти территориями, принадлежащими султанату. Жалкий осколок былой империи, вобравший в себя турецкий народ, союзники ставили на грань выживания. Схема таила в себе перманентное острейшее напряжение Ближневосточного региона. Постоянный межэтнический и политический конфликт народов по границам «разлома».

Нарушила эти иезуитские планы Россия. Расколоть уже бывшую царскую империю не удалось. Большевики, устояв в смертельной междоусобице, «играли» не по правилам, вновь собрав к 1921г. на общерусской платформе огромную державу. Украина и Кавказ не превратились в «независимых» политических карликов, послушных Западу, враждебных Москве и преграждающих путь России к тёплым морям. Осознание политиками «Версальского мира» этого факта автоматически возрождало Турцию: в проливах всегда должно «сидеть» государство, предназначенное для исторического противостояния Русскому Миру. Это означало, что Турции следовало оставить Константинополь, узости и приличную территорию. Только таким потенциалом можно было возродить её мощь для паритета с северным соседом. К тому же в самой Турции политические бесчинства союзников разбудили жизнестойкую народную волну сопротивления во главе с Кемалем Ататюрком. Большевики и кемалисты могли договориться между собой о взаимопомощи. Запад это не устраивало. И для Анкары быстро подыскали «пугало». «Кнут» для турок Антанта сделала из Греции.

В этом случае вековая греко-турецкая вражда приобретала новый смысл, значение и возможности. Через союзный «рупор», устами премьера Венизелоса в

обществе нагнеталась истерия «священной войны» за возвращение родной земли и великого Константинополя. Подстрекательство и соблазн провоцировали опаснейшую ситуацию столкновения не просто двух государств, а целых миров. Афинское правительство, оказавшись во власти союзников, безответственно шло на конфликт, подвергая страну громадному историческому риску. Османская оккупация и войны накопили достаточный взрывной материал. Союзники, стравливая в своих интересах два народа, учитывали этот момент как основной.

Не остановили Афины и «крымские события» 1918г., наглядно демонстрировавшие пагубность межнациональных авантюрных решений. В Крыму вторая Петроградская Революция, всколыхнув полуостров, разрушила общий фундамент многонационального дома. Старые исторические и религиозные обиды, экономические претензии и национальные устремления взорвали мир между крымскими греками и татарами. Тон безумному процессу задавали революционные элементы с обеих сторон. Всеобщая анархия и безнаказанность породили чудовищные общественные явления. К весне 1918г. татаро-греческий конфликт вышел на пик национальной ненависти. Таких явлений Крым не знал уже с конца XVIII в., со времён присоединения к России. Масла в огонь добавила немецкая оккупация. Турция, как союзник, получила свободу действий, поддерживая татарских националистов и поощряя греческую резню. Положение резко изменилось, когда на смену кайзеровским войскам в конце 1918г. пришли союзники. Тогда здесь высадились и греческие оккупационные части. Правда, до массовых расправ теперь уже над татарами дело не дошло. Крымские греки проявили благоразумие, заглушив слепую месть.

Но «крымский сценарий» обозначил глубокий конфликт греко-православного и мусульманского миров, страшный своей религиозной ненавистью, фанатичной жестокостью и национальной «оправданностью». В масштабах столкновения двух стран он перерастал в настоящий ГЕНОЦИД. Но именно этого и добивались устроители Версальского мира. Эллинам не собирались дарить малоазийские территории, ими собирались «нажать» на несговорчивых. Добившись нужного эффекта, Грецию, как отработанный материал, предполагалось в открытую «слить». Всё так и получилось.

Заглотив наживку, Афины слепо шли к трагической развязке. Ещё с 1915-го года грекам на словах обещали с «три короба» турецкой земли (также как и русским Константинополь по договору *Сайкс-Пико*). Главным «соблазнителем» выступала Англия, но, как и в жизни, доверяться «галантным джентльменам» было опасно. Все ресурсы Османской империи были поделены между Лондоном и Парижем, а нарушители жестоко бортировались на политическую обочину.

Так на «грабли» наступили итальянцы, рассчитывая «под шумок» переварить приличный кусок Малой Азии. В принципе Версальский «съезд» отводил «гордым ромеям», как кость с барского стола, небольшую турецкую «дзелянку». Но прыть, с какой те принялись удовлетворять свой аппетит, переходя допустимые грани, вызвала крайнее раздражение «**Большого Британского Брата**». Поэтому версальские «боги» пустив в ход «греческий инструмент» тут же пресекли все попытки римских потомков вновь ощутить утраченный вкус имперских амбиций. Как всегда чужими руками, во имя

демократии, мира и справедливости. Поводом послужили провокации в Смирне, где этнические греки подверглись резне со стороны турок. А далее Афины при **прямой поддержке** Лондона, Парижа и Вашингтона, выполняя указания победителей, ринулись в Малую Азию за «исторической справедливостью». Вытеснив итальянцев, греки, в патриотическом порыве, принялись присваивать себе турецкое малоазийское побережье, густо заселённое соплеменниками. Начались гонения на турок, переросшие во взаимно-истребительную греко-турецкую войну 1919-1923гг. Крымский сценарий безумного этно-конфессионального насилия повторялся в огромном масштабе столкновения народов и государств. Раздуваемое премьер-министром Венизелосом пламя «новомакедонского» похода вконец одурманило нацию. А между тем роль Греции в 1920г., по мнению Форин Офиса, была куда скромнее. Выйдя за указанные рамки «приличия», Афины поставили себя вне «Версальского закона». Наказание Греции носило изошрённый национально-пораженческий характер. Другой причиной политического бичевания «сынов Эллады» была ситуация в России, где Красная Армия взяла Крым и советизировала Дальний Восток.

Эти события резко ускорили восстановление турецкой государственности. К тому времени греки глубоко завязли в Малой Азии, теряя солдат, темп и смысл войны. Радужные обещания и политическая поддержка Лондона обернулись предательским обманом. Севрский договор 1920г. действовал лишь на бумаге, ничего не суля. Подписанный послушным правительством султана Мехмеда VI силы он не имел, Запад его исполнения не требовал. Греция, напротив, встретила общесоюзное соглашение с турками ликованием, наивно полагаясь на счастливый исход тяжёлой войны. Звезда народной любви Венизелоса взошла в зенит. Но тем ужаснее было разочарование. Договор был фикцией, войне не видно конца, малоазийские греки стали заложниками ситуации, а симпатии и материальная поддержка союзников полностью оказались на стороне Кемалья. Турция поднималась, не собираясь сдаваться. Мустафа Кемаль собрал под знамёна внушительные национальные силы. Политическое чутьё и понимание международной обстановки подсказало ему единственно верное решение - освободительную кампанию вести, не раздражая истинных хозяев мира, согласованно с их желанием. Поэтому Лондон и Париж, в обмен на нефть и Ближний Восток, развязали Ататюрку руки в Малой Азии, сдавая проливы.

Запад отвернулся от Афин на пике её политического и исторического успеха. Политическая изоляция и шантаж, угроза морской блокады, настойчивые советы «друзей» ввергли страну в состояние общественной депрессии. Её экономика на последнем пределе выдерживала тяготы войны. Но отступление из Малой Азии грозило Греции ещё и гуманитарной катастрофой, резни турками малоазийских греков. Британцев и французов это не смущало. Венизелос сделал своё дело и должен был удалиться. Позор турецкой компании оборачивался позором нации, положившей на алтарь победы своих сыновей. Когда-то Фемистокл предложил разрушить мост через Геллеспонт, чтобы «поймать Азию в Европе», отрезая персам путь домой. Теперь же ситуация поменялась на обратную, грозя перерасти в общегреческое бедствие. Это прекрасно понимали в Лондоне, придавая событиям новое ускорение. Британская схема содержала

конкретные действия: политическая катастрофа должна быть подкреплена масштабным поражением на турецком фронте. Совпадая в кризисной амплитуде, оба фактора автоматически вызвали в стране необратимую политическую реакцию, хоронившую национальные интересы и независимость государства.

Задуманное эффектно провели в жизнь. После загадочной смерти молодого короля Александра в октябре 1920г. и «неожиданного» провала на выборах Венизелоса, на греческий трон вновь вернулся король Константин, а правительство возглавил премьер Гунарис. Союзники специально ставили монархическую «партию войны» во главе Греции. Афинский план военной кампании был под контролем Антанты, принявшей турецкую сторону. Поэтому главное, решающее и отчаянное наступление всей греческой армии на Анкару в июле-августе 1921г. провалилось, а попытку наступления на Константинополь из восточной Фракии в июле 1922г. союзники пресекли на корню под предлогом демилитаризации зоны проливов. Агония длилась год. Гунарис отчаянно и обречённо метался между Лондоном и Парижем, не находя поддержки, встречая равнодушное презрение союзников, только вчера благословивших Афины на турецкий поход.

В итоге греческие войска в Малой Азии оказались разбиты. Часть войск французы интернировали, а затем передали (!!!) в плен туркам. Из Смирны в августе 1922г. остатки греческих дивизий бежали, бросая на произвол судьбы соплеменников и военное имущество. Это была национальная катастрофа, за которой следовал геноцид греческого малоазийского населения (около 200 тыс. убитых только в Смирне). В сентябре 1922г. в греческой армии вспыхнуло восстание, страну охватили беспорядки. Король Константин был навсегда изгнан из Греции (умер в 1923г.), премьер-министр Гунарис казнён. Новый союзный Лозаннский мир с Турцией 1924г. закрепил национальный позор Афин, предоставив им право самим «расхлёбывать» гуманитарные последствия войны. По договору миллион турецких греков подлежал репатриации в Грецию, чтобы не стать жертвами османского произвола. Страна с подорванной экономикой оказались один на один с общенациональной бедой, без материальной помощи Запада. Выполнив свою «сдерживающую» миссию, она ему более была не нужна.

Так обычно заканчивается всякая дружба волка со всяким ягнёнком. В любом случае Запад постарался политически заморозить конфликтную греко-турецкую ситуацию так, чтобы у обеих сторон на годы вперёд оставалось недовольство существующим порядком вещей. Все острова греческого архипелага, в том числе и непосредственно примыкающие к Турции, он передавал Греции. Аналогично и во Фракии «версальские миропостроители» лоб в лоб сомкнули границы Греции и Турции, отрезая южнославянскую Болгарию от выхода в Средиземное море.

Политическая карта мира, как «барометр эпохи», говорит сама за себя. В ней отражается великая летопись народов, отстаивших своё право на построение национальной государственной системы. И судя по карте, русский и греческие православные миры, в едином духовном предчувствии, тянут друг к другу руки помощи, мира и дружбы. Разделяемые морями, границами и государствами, мы ощущаем нашу социальную общность, православную единоутробность и

одновекторность исторических задач. Так будет всегда, невзирая ни на какие политические обстоятельства.